

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.21>

Резванов Сергей Владимирович, Резванова Лариса Анатольевна,
Титова Екатерина Владимировна

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 20-30-
Х ГГ. XX ВЕКА**

В статье раскрывается актуальный вопрос о причинах фетишизации мировоззрения ученых-гуманитариев. Выделяется структура данных метаморфоз. На конкретных примерах из истории отечественной философии начала XX века авторы показывают глубинные причины фетишистских мировоззренческих метаморфоз и исторические обстоятельства, которые с ними связаны. В статье раскрываются детерминанты объективного фетишизма в ситуациях выживания постреволюционной России. При этом исследуются принципы нигилистической (С. К. Минин) и "механистической" фетишистской философии (Э. С. Енчмен).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/7/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 107-110. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Дата поступления рукописи: 05.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.7.21>

В статье раскрывается актуальный вопрос о причинах фетишизации мировоззрения ученых-гуманитариев. Выделяется структура данных метаморфоз. На конкретных примерах из истории отечественной философии начала XX века авторы показывают глубинные причины фетишистских мировоззренческих метаморфоз и исторические обстоятельства, которые с ними связаны. В статье раскрываются детерминанты объективного фетишизма в ситуациях выживания постреволюционной России. При этом исследуются принципы нигилистической (С. К. Минин) и «механистической» фетишистской философии (Э. С. Енчмен).

Ключевые слова и фразы: метаморфозы; фетишизм; неадекватный детерминизм и индетерминизм; развитие; механисты; меньшевистствующий идеализм.

Резванов Сергей Владимирович, д. филос. н., профессор

Резванова Лариса Анатольевна, к.ю.н., доцент

Титова Екатерина Владимировна, к. психол. н., доцент

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Rezvanov.sergey2015@yandex.ru; LRezvanova1@yandex.ru; titova9@yandex.ru

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ 20-30-Х ГГ. XX ВЕКА

Актуальность темы статьи. Современная цивилизация находится на грани самоуничтожения. Фетишизация массового сознания достигла такого уровня, что его субъект даже не в состоянии понять это. Воинствующая безграмотность становится нормой, эталоном, а всякие рассуждения о грамотности хотя бы на уровне литературно адекватного языка вызывают неприятие в диапазоне от молчаливого непонимания: «О чем идет речь?» до открытого недовольства: «Не надо умничать!». Видимые контуры причин этой бескультурности: примитивизация познавательных установок в ситуации ЕГЭ, влияние западного тотального кризиса культуры, выражающего сущность кризиса всего общества и всей цивилизации, достигло своего апогея. В мире процветают прагматизм и утилитаризм, гемблинг (игромания), социальная инфантильность и т.д. Всё перечисленное отражает лишь абстрактные образы этих причин. А их сущность остается за пределом понимания исследователей. Так, *Саянские ведомости* справедливо выступают против речевого бескультурья примитивной, вплоть до криминальной, терминологии, настойчиво завоевывающей господствующее социальное пространство, особенно в молодежной среде [9]. В *Ведомостях* приводится в общем и целом правильная мысль, высказанная еще Вольтером: «Прекрасная мысль теряет всю свою цену, если она дурно выражена».

Укажем также на то, что данные фетиши кроются не только в банальной необразованности общего или политического характера, например, как в классическом и даже культовом романе И. Ильфа и А. Петрова «Двенадцать стульев». Напомним эпизод беседы легендарного Остапа Бендера с дворником Тихоном, служившим до революции у другого легендарного персонажа этого романа – Ипполита Матвеевича Воробьянинова.

«– А что, отец, – спросил молодой человек, – невесты у вас в городе есть?»

– Наших невест, – возразил дворник, – давно на том свете с фонарями ищут. У нас тут государственная богадельня, старухи живут на полном пансионе.

– Понимаю, это те, которые до исторического материализма родились? А в этом доме что было до исторического материализма? <...>

– А при старом режиме барин мой жил.

– Буржуй? <...>

– Пролетарий?

– Сам ты пролетарий! Сказано тебе, предводитель дворянства.

Разговор с умным дворником, слабо разбиравшимся в классовой структуре общества...» [5, с. 30].

Вместе с тем за этими внешними негативными фактами кроются обстоятельства глубокого исторического характера. Без их понимания невозможно разобраться не только в дурном молодежном сленге, но и в таком феномене, как потеря терминологической и понятийной адекватности. К их числу относится кризис международных правовых отношений, что связано, прежде всего, с деструкцией рыночных отношений, базирующихся на военно-промышленном комплексе, составляющем сердцевину западного финансового капитала. Далее к их числу относится активизация мировых деструктивных и откровенно террористических структур, тотальное мировоззренческое разложение, отраженное в зависимости от виртуальной реальности и т.д.

Задачи и научная новизна статьи. Авторы статьи ставили перед собой следующие задачи: 1) сформулировать в общем виде причины фетишизации популярного сознания; 2) описать идейные противоречия в истории отечественной философии 20-30 гг. XX века; 3) указать на причины неправомерного идеологического отождествления творческого развития марксизма с ревизионизмом и антисоциализмом. Научная новизна статьи состоит в том, что по сравнению с имеющимися исследованиями, которые носят описательный характер, настоящая статья является попыткой теоретико-методологического осмысления причин идейных противоречий в отечественной философии начала прошлого века. В статье рассмотрена генетическая связь

между примитивными общекультурными представлениями «первых» пролетарских идеологов и их примитивными культурными представлениями в области философии, что привело к трагическим последствиям для ряда представителей советской философии.

Теоретические основы популярного фетишизма. Понятно, что «исторический материализм» и «классовая структура общества» играют здесь не менее паразитарную роль, чем выражения «по ходу» или «типа того» в современном молодежном сленге. Но они намекают на более серьезные обстоятельства. Как полагал Гегель, эти внешние фетиши являются «тайными частями» глубинного фетиша, своего рода ментального айсберга, «опускающимися в свое основание» [3, с. 226]. Многочисленные потрясения, постигшие Россию в XX веке, вместе с изменением социального статуса проявились во всех сферах общества, в том числе в духовной. Эти потрясения меняли действующих лиц и исполнителей, социальные ориентиры и идеалы. Путь «из варяг в греки» (также Варяжский путь или Восточный путь) – водный (морской и речной) путь из Балтийского моря через Восточную Европу в Византию, начавший формировать облик возникающего российского государства, который академик Д. С. Лихачев охарактеризовал как «наиболее важный вплоть до XII в.» [6, с. 249], положил начало многочисленным иным трансформирующим страну событиям. Кроме всего прочего, он начал формировать комплекс неполноценности у оторванной от реальной истории аристократической интеллигенции. В его основе лежал знаменитый вопрос: «Кто мы: европейцы или азиаты?». Только XX в. принес несколько войн, включая две мировых и одну Гражданскую, несколько революций. Каждый раз происходили не только экономический и геополитический переворот, но и смена мировоззрений, смена идеалов.

Традиционный путь «из варяг в греки», связанный с колоссальными физическими трудностями, стрессами, опасностями и даже трагедиями, может быть взят в качестве модели или образа понимания любого отрезка истории России [Там же, с. 250-252].

Такова судьба и науки, особенно общественной. Инверсии понятий, категорий и рефлексий переполнили массовый когнитивный тезаурус. Начинаящий исследователь дезориентирован. Взрослый исследователь порой ослеплен эмоциональными пристрастиями, которые выступают в его мировоззрении как методологические фетиши. Так происходит, в частности, в отношении периода становления и развития советской философии (слово «философия» можно взять в кавычки). Это касается прежде всего оценок и выводов в отношении развития философии и гуманитарной науки. На формирование ее облика оказали влияние ряд существенных идейных направлений: западничество и славянофильство, народничество, марксизм, анархизм и т.д.

Борьба идейных течений в отечественной истории философии. Особое значение имел марксизм, влияние которого испытали практически все крупные отечественные философы. Идейные дискуссии интеллигенции по вопросам экономики, политики, идеологии и культуры имели фундаментальную альтернативу: «марксизм – не марксизм». Исследователи показывают: «...если полемика между западниками и славянофилами велась в свое время в четырех стенах некоторых салонов, в среде избранных кружков передовых мыслителей, то споры между марксистами и народниками в 90-х годах захватили самые широкие общественные круги... Куда бы вы ни появились, вам прежде всего предлагали вопрос: “Вы марксист или народник?”» [1, с. 27].

«Оригинальные» идеологические направления в России были следующие: 1) патриархальный консерватизм; 2) легальный марксизм; 3) радикальный скептицизм (анархисты); 4) революционный радикализм. В научной сфере: 1) рефлектирующий натурализм (естествоиспытатели); 2) эмпирическая социология и психология (народники, идеологи крепостничества); 3) «профессорская» философия; 4) «русский» марксизм (Плеханов и группа «Освобождение труда», Ленин и РСДРП); 5) отечественная религиозная философия, «переехавшая» после 20-х годов XX века в эмиграцию; 6) нигилистическая популистская философия – пролетарский натурализм; 7) «пролетарский» (в сущности мелкобуржуазный) реставрационный популизм – псевдонаучная реставрация натурфилософии, онтологии, критической теософии (атеизм) и т.д.

В указанной «палитре мнений» теряется историческая специфика понятий и категорий. Они приобретают далекий от первозданности и адекватности вид. Например, это касается таких основных понятий и категорий философии, как материализм, идеализм, диалектика, метафизика и т.д. Причем речь идет не просто о каких-то теоретических, ученических ошибках, которые могут быть порицаемы плохой оценкой, выговором или «перезкзаменровкой на осень». Кара могла быть значительно существенней: от запрета на профессию, запрета на издание своих работ, изоляции от активной общественно-политической и любой социально-публичной деятельности вплоть до тюремных сроков за «ревизионизм» и даже расстрела. Мы здесь не говорим о высылке ряда известных философов за границу на так называемом «Философском пароходе».

Фетиш запрета на творчество, независимо от идейных принципов. Отметим как важный факт, что независимо от занимаемых теоретических и даже политических позиций их авторов ждала одинаковая участь, спецификация которой указана нами выше. Примером служит малоизвестная фигура С. К. Минина. Нам уже приходилось говорить о нем [8, с. 148-150]. Он занял принципиальную марксистскую позицию по вопросу об объективной деструкции философии. С. К. Минин в своей одиозной статье «Философию за борт!» совершенно доказательно провел идею о смерти философии как формы иллюзорного сознания.

Более того, никаких особых изысканий это не требовало. Минин воспроизводил известный марксистский тезис о необходимости научного (объективного) подхода к реальной истории во всем ее многообразном универсальном виде, то есть в том числе и к истории науки как естественной, так и общественной. Общий вывод, сделанный отсюда Марксом и Энгельсом, был просто повторен С. К. Мининым: 1) мифология – идеология первичного общества; 2) религия – идеология феодализма; 3) философия – идеология буржуазии; 4) только наука – идеология пролетариата.

Поэтому задача пролетариата и его идеологов состоит в борьбе против разного рода буржуазных идейных проявлений, в которых искажается истина и навязывается массовому сознанию ложь. «Но что делать рабочему, когда на его мозговые формы ведется газовая атака философией? <...> Помещик смотрит на науку, как озлобленный кастрат на женщину. Буржуа смотрит на науку как на проститутку, которую можно купить. И только пролетариат смотрит на науку как на подлинного друга и товарища» [7].

Минин был соратником М. В. Фрунзе и И. В. Сталина в период пред-революции и революции, участвовал в боевых действиях в период Гражданской войны и, наконец, обладал гуманитарно-философским образованием. Как видим, авторитетность теоретической позиции Минина была обусловлена тем, что он относился одновременно (1) к образованной и (2) революционной среде. К тому же он был не просто теоретиком, разработавшим некоторые философские проблемы и сформулировавшим некоторые философские гипотезы, но и успешным практиком революционной деятельности, государственного строительства. Его репутация оказалась – что является уникальным фактом – вне подозрений, по крайней мере политических. Но это не спасло его от политической и идейной изоляции. Отметим, что начиная с 1927 года и до конца жизни С. К. Мининным не было опубликовано ни одной работы.

Один из так называемых механистов – Эммануил Семенович Енчмен (1891-1936), считавший себя учеником И. П. Павлова, опубликовал сначала «Тезисы теории новой биологии», а затем книгу «Теория новой биологии и марксизм». Из самого названия понятно, что одной науки Енчмену кажется мало. Он хочет превратить ее в революционную политическую идеологию. Надо сказать, что теорией Енчмена увлеклась часть учащейся молодежи. Так, Н. И. Бухарин усмотрел в «енчменизме» угрозу основам марксизма и написал специальную статью «Енчмениада» с подзаголовком «К вопросу об идеологическом вырождении».

Принципиальным положением революционной биологии была альтернатива «эксплуататорскому диалектическому материализму, одурачивающему невинные головы передовых революционных рабочих». И далее совсем курьезно: Енчмен полагал, что в будущем исчезнут логика, знание и мышление. Приведем, например, следующее высказывание Э. С. Енчмена: «В наступающем сейчас столкновении (бывшей в организмах все тысячелетия в раздавленном состоянии и ныне ожидающей) – “единой системы органических движений” с возникающими и закрепившимися в организмах в эпоху эксплуатации особыми системками движений, в этом столкновении единой системы органических движений с полностью гибнущими “вечными” ценностями – “познанием”, “разумом”, “логикой” – совершенно впервые полностью раскрывается и их явно классовый, явно разбойничий, явно эксплуататорский характер» [4, с. 225].

Конечно, были и объективные причины репрессивной реакции на различные отклонения от революционного мировоззрения. Контрреволюционное влияние старой идеологии, в том числе философии, требовало соответствующего противодействия. Следует подчеркнуть, что как сторонники, так и противники октябрьского переворота были меньше всего похожи на «божьих Агнцов», добровольно отдававшихся на заклание ради своей веры. Так, большинство из представителей «старой» гуманитарной интеллигенции практически полностью оказалось в лагере политических противников революции, отождествлявших ее с бунтом черни. Их политическое сочувствие Белому движению ложилось в открыто пропагандируемый «воинствующий идеализм», который бездоказательно утверждал ложность и даже невозможность материализма.

Это наглядно проявилось, например, у Н. А. Бердяева и В. В. Зеньковского. Такая же воинственно-уничтожительная характеристика, далеко не всегда объективная, была распространена и на теоретиков марксизма, которые оскорбительно назывались «недоучками». Так, Н. А. Бердяев утверждал, что Г. В. Плеханов не знает Л. Н. Толстого, а В. И. Ленин вообще ничего не знает кроме французских материалистов, «философски и культурно он (Ленин. – С. Р., Л. Р., Е. Т.) был реакционер, он не был даже на высоте Маркса, прошедшего через германский идеализм» [2, с. 134].

Впрочем, субъективизм и грубость были обоюдными. Непарламентские выражения, которыми господа старые российские интеллигенты награждали своих оппонентов, были своеобразным ответом на такие же грубости и снисходительность. Этим грешили как Ленин в полемике со своими оппонентами, особенно эмпириокритиками (идеалистами), так и Плеханов, имевший манеру свысока «похлопывать их по плечу». Одним словом, мы сталкиваемся здесь не только с идеологическим противостоянием, но и с борьбой эмоций, основывающейся на простонародном принципе: «Сам ты это слово!» Пока данные господа/товарищи пригвождали друг друга к позорному столбу, история обогнала их, оставив далеко позади себя. Сегодня это видно особенно отчетливо.

«Профессорская» философия, преподававшаяся в университетах и имевшая авторитет в глазах интеллигентов Серебряного века или, как их назвал Н. Бердяев, представителей российского ренессанса, должна была быть обращена к духовности, что выражалось в тезаурусе того времени словом «идеализм». Поэтому господа-философы российского ренессанса выступили стройными рядами в его защиту. Они пытались не только отстаивать его правоту, но и открыто критически выступили против своих оппонентов – материалистов как идеологов социальных сил зла, которых следует беспощадно повергнуть... Вышел ряд книг, коллективных сборников статей, где доказывалось, что подлинная философия – эзотерическая мудрость, обращенная к тем, кто связан с системой духовного производства. На этом эмпиристском основании естественно утвердилось представление о том, что философия – это всегда идеализм. Полагалось, что остальным не академическим (не «старым») интеллигентам-гуманитариям, симпатизировавшим материализму, путь к истине по указанным мотивам недоступен, значит, – заказан.

Исходя из этой аксиомы, господа старые интеллигенты априори предполагали, что философия существует для философии, в русле интересов интеллигенции, то есть буржуазной интеллигенции. Особая изощренность

в логике доказательств со стороны «старых» философов не наблюдалась. Это происходило, в частности, потому, что аргументация представителей пролетарской философии с бесхитростной крестьянской «простотой» основывалась на категорическом утверждении «материализма» как единственно возможной истины. Полагая, что подлинная философия есть идеализм, и иной быть не может, «старые» философы (и старая гуманитарная интеллигенция в целом) резко субъективно противопоставили себя как тем социальным слоям российского общества, которые составляли базис революции, так и тем интеллигентам, которые занимали нейтральную позицию и думали иначе. Этим самым старая интеллигенция – интеллигенция «русского ренессанса» (Н. Бердяев) – действительно субъективно и объективно предстала как духовный устой «старого» буржуазного мира, устой контрреволюционности.

Не только в элитарном сознании старой интеллигенции, но и в «простом сознании» революционных масс философия была семантически отождествлена с идеализмом аналогично идеологии эксплуататоров. Естественно, это было неприемлемым для пролетарских теоретиков и не могло остаться без их ответа оппонентам. Смысл и форму этого ответа не трудно было предугадать, учитывая господствующее настроение революционеров радикально и скоропостижно разделаться с буржуазной идеологией = философией, равно с идеализмом. Этот анти-идеализм необходимо приобрел вид анти-философии, в конечном счете, – вид анти-теории, то есть эмпиризма. С позиций эмпиристско-натуралистического мировоззрения все зло сосредоточено в теории как таковой, которая понималась как процесс придания простым и ясным вещам искусственно-усложненного и замутненного вида. Такого рода теория-философия не без основания понималась как хитрость. Политическая дефетишизация социально-гуманитарных наук закономерно, хотя и фетишистски-поверхностно, отождествлялась с уничтожением теории.

Краткие выводы. Репрессии коснулись не только С. К. Минина, но и А. М. Деборина, Э. С. Енчмена, других «механистов» (А. И. Варьяша, Л. И. Аксельрод и т.д.), а также так называемых «диалектиков». Последние были названы «меньшевиствующими идеалистами». Они были либо расстреляны, либо изолированы от активной теоретической деятельности. Итак, мы видим, что ничто не гарантировало представителям гуманитарной науки безопасности, даже политическая лояльность к «новым вождям», классическому и модернизированному «примитивизированному» марксизму, – псевдомарксизму. Лишь постоянное оперативное лавирование в «гуще политической бюрократии» позволяло держаться на волне таким приспособленцам, как М. Митин, П. Федосеев, П. Юдин и др. Именно благодаря их «бдительности» на костер якобы революции были возведены старые «спецы», интересные самобытные исследователи и даже профессиональные марксисты с дореволюционным стажем.

Список источников

1. Балувев Б. П.-Н. К. Михайловский и «легальный марксизм» (к 150-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1992. № 6. С. 15-31.
2. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. 220 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Соцэргиз, 1934. Т. VII. Философия права. 384 с.
4. Енчмен Э. С. Наука и философия – эксплуататорская выдумка // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 224-231.
5. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 656 с.
6. Лихачев Д. С. Крещение Руси и государство Русь // Новый мир. 1988. № 6. С. 249-258.
7. Минин С. К. Философию за борт! // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 203-208.
8. Резванов С. В. Философия социальной культуры: генезис, структура, функции и феномены мировоззрения. Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. строит. ун-та, 2014. 409 с.
9. <https://www.vedomosti.ru/archive/2019/02/07/> (дата обращения: 26.01.2019).

WORLDVIEW METAMORPHOSES IN DOMESTIC PHILOSOPHY HISTORY OF THE 1920-30S

Rezvanov Sergei Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Rezvanova Larisa Anatol'evna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Titova Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Don State Technical University, Rostov-on-Don
Rezvanov.sergey2015@yandex.ru; LRezvanova1@yandex.ru; titova9@yandex.ru

The article deals with a topical issue – reasons for scholars' worldview fetishization. The structure of these metamorphoses is highlighted. By specific examples from the domestic philosophy history of the early XX century, the authors show the underlying causes of fetishistic worldview metamorphoses and the historical circumstances that are associated with them. The paper reveals the determinants of objective fetishism in the situations of post-revolutionary Russia survival. At the same time, the principles of nihilistic (S. K. Minin) and “mechanistic” fetishistic philosophy (E. S. Enchmen) are studied.

Key words and phrases: metamorphoses; fetishism; inadequate determinism and indeterminism; development; mechanists; Menshevik idealism.